

Г. А. Мирибян, Л. Х. Креджян

**ЗАКЛИНАТЕЛЬНЫЕ ФОРМУЛЫ
В АРМЯНСКОЙ И РУССКОЙ НАРОДНОЙ ПАРЕМИОЛОГИИ**
(на материале армянских и русских проклятий, клятв,
благословений-благопожеланий)

Как известно, культуру любого народа можно представить как огромную лабораторию, в которой создаются общечеловеческие и национальные ценности, собираются воедино достижения общества с глубокой древности до настоящего времени. Одним из важных и неотделимых компонентов культурного наследия является фольклор, который, будучи созданным в незапамятные времена, передаваясь из поколения в поколение, из уст в уста, дошел до наших дней и продолжает существовать, пока есть и живет данный народ, и воспитывать такие качества, как трудолюбие, толерантность, терпимость и доброжелательность.

Одним из древнейших и важных компонентов устной народной традиции выступает заговорно-заклинательный фольклор, основными жанрами которого являются проклятия, благословения-благопожелания и клятвы. Упомянутые жанры характеризуются верой в силу слова, направленного на человека, предметы, обстановку, и использованием символично-аллегорических образов и сравнений.

Значительное место в области изучения древних верований и религиозных представлений народов (в особенности древних народов) занимает магический фольклор, который играет важную историко-культурную роль в вопросе освещения их первобытного мышления, поэтического восприятия.

С целью проведения сопоставительного анализа и выявления универсальных и национально-специфических особенностей в работе мы обратились к древнейшим магическим, прикладным жанрам словесной речи, отличающимся краткостью, образностью и смысловой глубиной и широко используемым в повседневной народной речи.

Письменные формы применения в древности проклятий, благословений-благопожеланий и клятв

Издавна люди верили в магию слова, думали, что его могущество способно оказывать влияние на судьбу человека. Подобные представления и рождали такие словесные заклинательные формулы, которые, как было указано выше, являются жанрами ритуальной речи, не утратившими своей силы у многих народов по сей день.

Во все времена слово было средством воздействия человека на природу. Так, например, в одном из армянских этнографических районов, в Таласе, верили, что если кто-нибудь встретит змею и скажет: «Змея, не ужалившая меня, жить будет долго» (Бюракн, № 48), то змея не ужалит его. Вот яркий пример веры в силу слова, силу, которой подчиняется даже змея, то есть слово всемогуще.

Люди верили и верят, что негативные пожелания влекут за собой беды, болезни и даже смерть (*Чтоб глаза повылазили; Чтоб белого света не видел; Чтоб язык твой отсох*), а добрые пожелания, благословения привлекают счастье, удачу, богатство (*Ушат масла тебе; Доброго пути; Бог в помощь!*).

На могущество слова опирались и древние клятвы. Дающий клятву также, заверяя правдивость своих слов, или условно призывал на себя различные беды, или обращался к священному освидетельствованию: *С места не сойти, если вру; Пусть Бог меня накажет внезапной смертью или вечным огнем, если я виновен в этом.*

Таким образом, люди свято верили в созидательную и разрушительную силу слова и потому боялись и избегали понапрасну проклинать и клясться.

Проклятия и клятвы, благословения-благопожелания издревле применялись также в заклинательных целях и встречались в древних ассирийских, вавилонских, урартских, хеттских клинописях, а также в наследственных и торговых сделках, купчих, в древних политических договорах и всюду имели силу юридических санкций [Арутюнян 1975, с. 114] Так, в конце одной урартской клинописи, описывающей победные походы царя, где он выражал свои опасения о том, что кто-то другой, уничтожив письменный памятник, преднамеренно может себе приписать его великие дела, царь угрожает проклятием тому, кто уничтожит памятник и, наоборот, награждает благословением-благопожеланием того, кто сохранит его [Бархударян, с. 30].

Армянские средневековые лапидарные памятники в основном кончаются традиционными формулами проклятий, клятв и благословений-благопожеланий. Так, например, в 1345 году в Сюникском селе Лор Саркис и Амир Хасан строят церковь и дарят ее монахам вместе с земельным участком, купленным их отцом, и подтверждают это дарение проклятием и клятвой [Бархударян, с. 50; Арутюнян 1975, с. 89].

В армянской богословской литературе особое место занимали уникальные жанры – послания, среди которых выделялись «послания благословения», «послания проклятия». «Послания благословения» – записанные на бумаге и адресованные тому или иному церковному или светскому человеку благопожелания, а «послания проклятия» – это письменное осуждение с анафемой и злобой действий в отношении тех священнослужителей или мирян, которые наносят ущерб интересам церкви или общества.

В Служебнике митрополита Киевского и всея Руси Киприана, написанном его рукою, есть приписка по листам патриарха Никона, в которой вору книги грозит проклятие [Паларамачук, с. 162].

Семантико- структурные типы проклятий и благословений

Проклятия и благословения у обоих народов по своей структуре – в основном просто слова-пожелания, не связанные с каким-либо условием (например, проклятия – *Да не будет ему потомства; Чтоб тебя поповеркало; Чтоб тебе ногу сломать*; благопожелания – *В добрый час; В добрый путь; Ни пуха, ни пера*).

Среди армянских проклятий и благословений выделяется группа, которая в стилистическом отношении отходит от нормы и построена на соотношении условия и следствия. Нужно указать, что проклятия с определенными условиями по типу своей структуры уподобляются клятвам. Однако если в клятвах существенным является само условие (основная формула клятвы) и клянущийся в доказательство своей правоты использует формулу самопроклятия (модальные составляющие адресованы себе, напр., *руку дам на отсечение коли...; будь я проклят если...; чтоб меня сразу поразило коли...*), то в проклятиях важны сами пожелания, и они направлены на проклинаемого. Соответственно, сами армянские народные клятвы делятся на две основные группы: клятвы с проклятием (*Если солгу, разобьюсь на две части*) и клятва со ссылкой (*хлеб тому свидетель; Библия тому свидетель; церковь тому свидетель* и т.д.). Говоря иначе, тот, кто клялся, имел обыкновение ссылаться как на Бога, святых, близких и преданных людей (отца, брата, мать, сына), так и на предметы и явления, воспринимаемые как священные (светильник, свет, очаг, солнце, Евангелие, крест, хлеб и т.д.), чтобы доказать свою правдивость, верность и преданность.

Большинство русских благопожеланий, проклятий и клятв начинаются частицами (*пусть, да, чтобы* и др.), после которых может следовать императив. При этом императивные формы наиболее характерны для проклятий и клятв, в то время как в благопожеланиях их использование не столь частотно. В армянских же изречениях доминируют императивные формы, являющиеся каркасом моделируемого желания и выступающие в большей степени маркерами модальности.

В зависимости от количества используемых в проклятиях, клятвах и благопожеланиях глаголов С. Арутюнян [Арутюнян 1975, с. 135] разделил их на две типологические группы: простые (одночленные) и сложные (двучленные, трехчленные, четырехчленные и т.д.), в которых экспрессия желаемого выражена сильнее. Сложные формы в русской традиции встречаются только в проклятиях и клятвах (например, *Чтоб твой дом заглох, крыльцо травой поросло, и никто бы к нему дороги не торил!; Чтоб тебя свело да скорчило, повело да покорило!*).

Как реальный, так и проектируемый мир в желательных конструкциях основывается на ценностных представлениях, присущих тому или иному народу. В зависимости от моделируемого желания как армянские, так и русские проклятия можно разделить на 4 основные группы: 1) телесные, 2) социально-гражданские, 3) нравственно-телесные, 4) пожелание душевных наказаний. В каждой смысловой группе выявляются виды наказаний: болезни, телесные муки, несчастья, бедность, сиротство, божье наказание, неудачи, душевные муки, траур.

Поскольку одним из утилитарных признаков проклятий и других видов магическо-прикладного фольклора является желание заменить существующее состояние человека, животного или предмета, подлежащего проклятию, другим состоянием, естественно, что целью желания наказания в проклятиях является замена существующего состояния, проклятого на худшее. И действительно, это обстоятельство проявляется почти во всех проклятиях.

Традиционно сильно экспрессивно маркированные и частотные в любой культуре проклятия с пожеланиями смерти. «Самым суровым наказанием, которое обычно предполагает человек, и которое ограничивается предписанием закона, является смертный приговор» [Арутюнян 1975, с. 199]. Сема смерти в самых разных ее проявлениях лежит в основе большинства армянских и русских проклятий. Например, *чтоб ты провалился!; пропади ты пропадом!; чтоб ты сдох!; чтоб ты подавился!; чтоб тебя разорвало!; пропади ты пропадом!; черт тебя поберу (подери)!; развались на 20 частей; разобьешься молодым; в черный гроб провалишься* и т.д.

И в приведенных примерах, и вообще формы пожелания смерти разнообразны. Как в армянском, так и в русском дискурсе большинство из них имеют стилистически сильно сниженный, отчетливо выраженный отрицательный характер и трагический и драматический акцент (умереть молодым, не реализовав своих заветных желаний, остаться без могилы, непогребенным, забытым и т.д.). Такие обстоятельства еще более подчеркивают безжалостную строгость желаемого наказания, что и является самой целью проклинающего. В проклятиях стремление наказать смертью направлено не только на проклинаемого, но и на его ближайших родственников, особенно детей, братьев и родителей. В них проклинающий, желая наказать самым суровым образом проклинаемого, желает смерти его близким родственникам: *чтоб умер твой единственный; умереть твоему брату (мужу, сыну)* и т.д.

Второе по значимости место в проклятиях после пожелания смерти занимает наказание проклинаемого тяжелой болезнью. Это выражения, компонентами которых выступают глаголы с общим образным значением изменения физического состояния. Цель таких проклятий – видеть, как «здоровое состояние проклятого человека сменяется различными серьезными и неизлечимыми заболеваниями» [Арутюнян 1975, с. 203]: *возьми тебя чирей; заболеть тебе тяжёлой болезнью; одолеет тебя красный ветер; Рви вас кровью и жёлочью; Трястись бы тебе лихоманкой!; Чтоб ты пуп сдёрнул* и т.д.

Помимо наказания смертью и болезнью, важное место в проклятиях занимают социально-гражданские и религиозно-нравственные наказания, производные от явлений реальной жизни и религиозных представлений. Тенденция общественного наказания состоит в том, чтобы обратить, сменить материальное положение проклинаемого на тяжелое и плачевное социальное существование. Вот примеры проклятий, где проклинающий желает видеть проклятого бездомным, бродягой и нищим, жаждущим куска хлеба: *останься покинутым; останься собакой голодной; останься без куска хлеба; чтоб тебе ни всходу, ни умолоту!; чтоб тебе пусто было*.

Основная идея формул-выражений подгруппы гражданских наказаний – стремление видеть семейно-гражданское положение проклинаемого в худшем состоянии, что выражается в основном в пожеланиях осиротеть, вдовствовать, распада семьи, бездетности и уничтожения потомства: *быть тебе вдовой; не видать тебе ни жены, ни детей; одиноким тебе остаться*. В народных проклятиях значительное место занимают пожелания наказания религиозного характера, в том числе злыми духами, адом в загробном мире: *быть тебе в аду; быть тебе в списке зла*.

Благословения-благопожелания проникнуты человеколюбием и широко используются в различных сферах жизни людей. Они делятся на 2 основные формулы:

1) предохранительные благословения-пожелания, главной идеей которых является обеспечение наилучшего материального, телесного или морального состояния благословляемого;

2) предупредительные благословения, где главным является идея обеспечения искомого состояния благословляемого лица или его родственников.

У обоих народов основные мотивы благопожеланий включают набор одних и тех же благ: жизни и долголетия, здоровья, удачи, духовного спокойствия, богатства, изобилия, избавления от зла и несчастий и т.д. Например, на долголетие: *Продли Бог (веку) на сорок сороков*; на здоровье: *Дай Бог здоровья!*; на достаток: *Чтоб вам жить сто годов, нажать сто коров, меринов стаю, овец хлев, свиней подмостье, кошек шесток, собак подстолье*.

В смысловых группах армянских желательных конструкций особо выделяется тема, которая полностью отсутствует в русских, – тема скитальчества, социально обусловленная и связанная с определенными историческими событиями в жизни армянского народа. В таких благопожеланиях на первый план выдвигается пожелание благополучного пути, счастливого возвращения, жизни и здоровья, защиты от бед и несчастий.

В проклятиях проклиняемому желают видеть близких на чужбине, лишенных всего, в беде или в муках, тяжелой болезни, желают вечных бесплодных скитаний по чужбине. А в клятвах клянущийся в доказательство своей невинности клянется скитальцем: *Ի՛ն լիւրհրհի տրււր; Կտրհրհի Եւրհրհի լիւր լիւր*.

Таким образом, можно утверждать, что желательность как возможное моделирование настоящего и будущего является частью когнитивного сознания, определенного самим существованием человека с его потребностями, а также духовными представлениями. В результате сопоставительного анализа армянских и русских желательных конструкций выявляются такие общие черты, как экспрессивность, оценочность, прагматичность и функционирование в схожих ситуациях, но вместе с тем подчеркивается их национальная специфика.